

Скоробогатова Е. А.,

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой славянских языков

Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды

Юрєва Ж. А.,

преподаватель кафедры практики английской устной и письменной речи

Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды

«ПУШКИН И ...»: О СОЕДИНЕНИИ АНТРОПОНИМОВ В ЛИРИКЕ БОРИСА ЧИЧИБАБИНА

Анотація. Актуальність дослідження визначена увагою сучасної філології до проблеми вживання власних назв в поетичному тексті. Онимосфера лірики Бориса Олексійовича Чичибабіна багата і різноманітна. Метою статті є характеристика поєднань, що складаються з імені Пушкін і інших антропонімів у ліриці Чичибабіна. Матеріалом для статті послужили фрагменти віршів із книги «Збірка віршів». Чичибабін неодноразово поєднує ім'я Пушкіна з іменами інших видатних людей: поетів, письменників, музикантів, – з іменами тих, кого любить, ким захоплюється, перед ким схиляється. Проаналізований у статті матеріал дає підстави стверджувати, що поет об'єднує імена художників слова і мистецтва, підкреслюючи кожен раз певну рису або будь-яку з характерних якостей особистостей. Чичибабін використовує принцип асоціативності, орієнтується на почуття причетності людини до Космосу, Всесвіту. Поєднуючи імена видатних письменників і вчених з ім'ям Пушкіна, Борис Чичибабін виявляє різні риси космічного, багатогранного Пушкіна: велич, волю, небесну сутність, романтичність, вразливість, жертвність, лагідність, чесність, духовність. Всі ці риси акумульовані в особистості Пушкіна, що представлена в ліриці Чичибабіна як вищий прояв поетичного і людського дару. Антропоніми – імена майстрів слова, музики – називають тих, хто є вищим проявом духу і творчості, поява кожного з імен поруч з ім'ям Пушкіна значима і не випадкова. Підкреслюється частотність появи імені Пушкіна в ліриці поета. Аналіз стійких онімних пар і онімних мікрокомплексів (поетонімів-антропонімів) в ліриці Чичибабіна є перспективою дослідження.

Ключові слова: онім, поетонім, онімна пара, онимосфера, віршований текст, Чичибабін, Пушкін.

Онимосфера поетического идиостиля (корпус онимов, используемых поэтом, их связи и отношения в поэтической системе) свидетельствует о внутренних предпочтениях автора ярко и непосредственно, гораздо выразительней, чем поэтический отбор слов иных лексико-грамматических разрядов. Одним из интересных аспектов этой проблемы является соединение антропонимов в идиостиле поэта [2].

Онимосфера лирики Бориса Алексеевича Чичибабина богата и разнообразна. В рамках этой работы мы рассмотрим сочетания онимов, в которых одним из компонентов является имя Пушкина. Выбор таких сочетаний не случаен. Пушкин – центральное прецедентное имя в лирике поэта: «Для меня нет более любимого человека, живой личности, живой

души» [3, с. 423], – признавался поэт. По наблюдениям исследователей, «пушкинская тема и пушкинский интертекст широко представлены уже в первом сборнике стихотворений Б.А. Чичибабина «Мороз и солнце»: через ключевые образы мороза и солнца, в виде прямых пушкинских цитат, через включение характерной пушкинской лексики, узнаваемых пушкинских образов и связанных с биографией и творчеством поэта топонимов, создающих реминисценции и аллюзии» [1, с. 70], развивается эта тема и в зрелом творчестве поэта. Чичибабин не только снова и снова возвращается к пушкинской теме, он с радостью и восхищением произносит само имя поэта – лучшего, любимейшего, не сравнимого ни с кем. Чичибабин говорил: «Перечень любимых поэтов, если он будет открываться именем Пушкина, – для меня это кощунство. Это унижительно для Пушкина, потому что Пушкин вне всяких списков, он совершенно отдельно» [3, с. 423]. Несмотря на это утверждение, Борис Алексеевич в стихотворениях неоднократно соединяет имя Пушкина с именами тех творцов, кого любит, кем восхищается, перед кем преклоняется.

Соединение антропонимов *Пушкин и Толстой* (24 употребления) занимает первое место по частотности в собрании стихотворений [4]. Пушкин и Толстой были для Чичибабина писателями, которые олицетворяли истинную и духовную сущность русской литературы, ее величие, значительность, всемирность. Поэтому Пушкин – солнце, а Толстой – воздух этой литературы: *Да поят нас весельем и доброй тоской, / да хранят наши души простые / красно солнышко – Пушкин, синь воздух – Толстой / и высотное небо России.* («Наш кораблик, – плевать, что потрепан и ветх...», конец 50-х) [4, с. 62]. Внутренняя связь Толстого и Пушкина прослеживается в следующих строках: *А Лев Толстой бровобородый, / глазища строги и мудры, / был существом другой породы, / но тоже с Пушкиным внутри* («Пушкин», 1962, 1991) [4, с. 532]. В тяжелые годы гонений, запретов и безвестности Чичибабину протягивают руку его великие предшественники: *Так живу, веселый путник, / простодушный ветеран, / и со мной по вечерам / говорят Толстой и Пушкин / на родном языке.* («Родной язык», 1951) [4, с. 46]; *... как Пушкин и Толстой, / бездомностью всемирен; Как Пушкин и Толстой, / я всем, к чему привязан, / весельем и тоской / духовности обязан.* («Как Пушкин и Толстой», конец 1950-х) [4, с. 63]. В то же время Чичибабин отдает пальму первенства именно Пушкину: *Я насмерть верен Льву Толстому, / он тоже гений и герой, / к себе домой сбежав из дому, / но после Пушкина второй*

(«Пушкин», 1962, 1991) [4, с. 532]. Не только в шестидесятые, но и восьмидесятые и девяностые годы Чичибабин обращается к образам Пушкина и Толстого. Соединение их имен используется в том же поэтическом значении вершины литературы и языка, вершины нравственности, опоры в жизни: *А когда настанет завтра, / прозвонит ли мое слово / в светлом царстве Александра / Пушкина и Льва Толстого?* («Сколько вы меня терпели!...», 1986) [4, с. 370]. Это же сочетание имен встречаем в ряде других стихотворений 1960–90-х годов: *В меня палили вражды пушки, / меня ссылали в Соловки, / в моей душе Толстой и Пушкин / как золотые колобки* («Живем – и черта ль нам в покое?...», 1964) [4, с. 132]; *И в тернях, и в цепях, свободный Гименей, / упрочь наш брачный дом, о бесприютный путник, / в стране берез и верб, где есть Толстой и Пушкин, / что сладостней, чем мед, и соли солоней* («Эпиталама, свадебная песнь», 1980) [4, с. 321]. Размышляя об ответственности поэта, по-своему развивая тему «поэт и власть», Чичибабин провозглашает: *Есть смуте срок. Она ж неуморима, / моя Россия – Анна и Марина / и Божьи светлы – Пушкин и Толстой* («Сонеты к картинкам. 20. Смута на Руси», 1990-е) [4, с. 487]. В этих стихотворениях поэт соединяет имена и связывает их с собственным поэтическим миром. Чичибабин выражает личное отношение к Анне Ахматовой и Марине Цветаевой, называя их только по именам, и соединяет антропонимы Пушкин и Толстой, говоря об идеале русской культуры, ее неотожествлении с властью: *Но, коль позовет на Страшный суд / кроткий счет кукушкин, / за царей ответ не понесут / ни Толстой, ни Пушкин.* («Лине Костенко», 1993) [4, с. 470]. В этом примере единственный раз имя Пушкина локализуется в непосредственном окружении частиц – отрицательной и усиленных.

Вторым по частотности соединением (8 употреблений) являются антропонимы *Пушкин и Лермонтов*. Чичибабин восхищался творчеством Лермонтова. Название одного из наиболее значительных сборников поэта «Колокол» интертекстуально связано с образом поэта-колокола у Лермонтова (и, разумеется, с изданием Герцена, хотя, на наш взгляд, аллюзия к Лермонтову в этом сборнике выражена ярче).

В стихотворении «Пушкин и Лермонтов» парные онимы становятся ключевыми словами – доминантой текста. Их повтор формирует композиционное развертывание стихотворения, которое можно охарактеризовать как поэтический диалог автора с поэтами, представляющими его поэтический идеал. В начале Чичибабин говорит о небесном статусе поэтов, их ранимости, уязвимости: *Кто вы, небесные, как вас зовут? / – Пушкин и Лермонтов.* <...>... а у ранимости лика лишь два – / *Пушкин и Лермонтов.* <...>... Рано вы русскую стали земель, / *Пушкин и Лермонтов.* Эта черта – ранимость, уязвимость истинного поэта связывает стихотворение Чичибабина с лермонтовским стихотворением «Смерть поэта», разрушает его «хрестоматийный глянец», восстанавливает истинный смысл. Затем Чичибабин говорит о значимости имен Пушкина и Лермонтова в его собственной судьбе, отношении к ним: *Сердцу единственный выход из тьмы – / Пушкин и Лермонтов.* <...> До смерти вами я заморожен, / *Пушкин и Лермонтов.* <...>... только и памяти мне – что о вас, / *Пушкин и Лермонтов.* <...>... весь я в сиянии ваших стихов, / *Пушкин и Лермонтов* («Пушкин и Лермонтов», 1979) [4, с. 305–308].

Соединяя имена Пушкина и Блока, Б.А. Чичибабин связывает их с концептом свободы. В творчестве Чичибабина, особен-

но позднем, свобода трактуется не только как независимость от власти, но, в первую очередь, как «самостоянье» человека, способность идти не только наперекор официальной позиции, но и наперекор мнению большинства. Эту способность поэт особенно ценит, и именно она характерна для гражданского и художественного сознания Блока и Пушкина. Обратим внимание, не Некрасов и Мандельштам, а именно Пушкин и Блок являются для Чичибабина олицетворением свободы русской литературы. 4 соединения антропонимов «Пушкин и Блок» присутствуют в лирике Чичибабина. Для Б.А. Чичибабина А.А. Блок, как и А.С. Пушкин, является певцом свободы, поэзия которых не подчиняется никакому диктату: *И вы не верьте в то, что плохо вам, / перенимайте вольный дух / хотя бы Пушкина и Блока, / хоть этих двух* («Без всякого мистического вздора...», 1959) [4, с. 55]; *Светлый рыцарь и верный пророк, / Я пронизан молчанья лучами. / Мне опорой Пушкин и Блок. / Не равняйте меня с рифмачами* («Защита поэта», 1973) [4, с. 217]. Лучше молчать, утверждает поэт, чем превратиться из поэта в «рифмача». Еще в 60-е годы Чичибабин весело восклицает: *От подобной лекции / ни красы, ни проку. / Разве надо легче им, / Пушкину и Блоку?* <...> *Нас беречь не надобно, / ибо мы – поэты* («От подобной лекции...», 1960-е) [4, с. 789], соединяя в местоимении *мы*, употребленном в придаточном *ибо мы – поэты*, себя и тех, кто стал для него нравственным образцом. Поэт надеется на возрождение свободного духа в России, которую не перестает любить: *В трудах отмывшись добела / и разобравшись в проке, / Россия, будь, как ты была / при Пушкине и Блоке* («Россия, будь», 1992) [4, с. 433]. Начало 90-х годов очень способствовало такому поэтическому оптимизму.

С именем Пушкина Чичибабин соединяет имена Мандельштама, Мицкевича, Чехова, Шаляпина, Гоголя. Мандельштам, как и Пушкин, в поэтическом пространстве Чичибабина – это и атлант, который *держит небо на плечах*, и жертва – Христос, спасающий своей жизнью и смертью других: *Эй, кто не свиньи и не волки, / кто держит небо на плечах, / давайте выпьем рюмку водки / за землю в травах и лучах, // за моря плеск и счет кукушкин, / за человеческую честь, / за то, что есть у сырых Пушкин / и Мандельштам у кротких есть!* («Я по тебе грущу, духовность...», 1965) [4, с. 148]. Прямая отсылка (*у сырых, у кротких*) связывает это стихотворение с Новым Заветом. Поэтами спасется мир, утверждает Чичибабин, Мандельштам и Пушкин – праведники, которыми спасется народ.

Соединяя имена Пушкина и Мицкевича, Чичибабин связывает их с именем Леси Украинки: *В краю, где Пушкин и Мицкевич / лучились музыкой недавней, / ее застенчивая девичь / цветком таинственным цвела в ней* («Лесья в Ялте», 1983) [4, с. 347]. Эти три имени внешне объединены пространством Крыма, где бывали и который описывали все три поэта, но их связь глубже, это связь пространства любви и поэтической смелости.

Соединяя имена Пушкина, Петра Первого и Ахматовой, Чичибабин обращается к Петербургу (Ленинграду). Этот город, на болоте построенный Петром, значим для Бориса Алексеевича. Пушкинско-петербургская тема стала в XX веке темой ахматовской: *Будь к могиле Ахматовой, финская осень, добра, / дай бездомной и там не отвыкнуть от гордых привычек. / В роцах дятлы стучат, и грохочет тоской электричек / город белых ночей, город Пушкина, город Петра* («До могилы Ахматовой сердцем дойти нелегко...», 1972) [4, с. 190]. *У могилы Ахматовой скорби расстаться пора / с горбоносой работой,*

и, не выдержав горней разлуки, / к ней в бессмертной любви протянул запоздалые руки / город черной беды, **город Пушкина, город Петра** («До могилы Ахматовой сердцем дойти нелегко...», 1972) [4, с. 191].

Имя А.П. Чехова ассоциируется у Б.А. Чичибабина с интеллигентностью и духовностью: *Словно выкупавшись в радуге, / обрели тепло и свет / в городке старинном Фрайбурге / у родной Элизабет, // что, как будто больше некого, / даже плача из-за них, / любит Пушкина и Чехова / из писателей земных* («На память о Фрайбурге», 1991) [4, с. 410].

Соединяя пару имен-отчествов: *Александр Сергеевич* и *Николай Васильевич*, Чичибабин подчеркивает честность всем известных творцов слова, их моральность и готовность говорить правду, несмотря ни на что: *Но когда закручивался узел / и когда запенивался шквал, / Александр Сергеевич не трусил, / Николай Васильевич не лгал* («Стихи о русской словесности», 1979) [4, с. 304]. Использование имен без фамилий, с одной стороны, указывает на уверенность в том, что любой читатель поймет, о ком идет речь, с другой – является знаком интимизации, указанием на личное отношение к писателям.

Чичибабин соединяет Пушкина, Лермонтова и Гоголя, говоря о начале той поэтической культуры, которая ему близка: *Пушкин, Лермонтов, Гоголь – благое начало, / соловьиная проза, пророческий стих. / Смотрит бедная Русь в золотые зеркала. / О, как ширится гул колокольный от них!* («Стихи о русской словесности», 1979) [4, с. 304]. Русская литература для поэта – та часть мироздания, где слышен голос Бога: *О, какая пора б для души ни настала / и какая б судьба ни возшла на порог, / в мирозданье, где было такое начало – / Пушкин, Лермонтов, Гоголь, – там выживет Бог* («Стихи о русской словесности», 1979) [4, с. 305].

Имена Пушкина и Моцарта для Чичибабина – имена божественные. Здесь и аллюзия к «Моцарту и Сальери», и собственное отношение к творческой «табели о рангах». Чичибабин ставит Пушкина и Моцарта на высшую ступень творчества: как Моцарт – вершина музыки, так Пушкин – вершина литературы: *Над ним громами небо колебалось, / трубили бури, / лишь Моцарт был, как ангел или парус, / дитя лазури. // Он шел, свистя, по пристаням, по дюнам, / с волибой приятья, / и я не зря о Пушкине подумал: / они как братья* («Моцарт», 1977) [4, с. 271]. *Вы ведь тоже можете / вечность напролет / разбираться в Моцарте, / пить Платонов мед, // слушать речь кукушкину / и, служа добру, / поклониться Пушкину / в смоляном бору* («Александр Яковлевич...», 1975) [4, с. 552].

Чичибабин представляет нам Пушкина и Пастернака как поэтов радости: *О, сколько туль в поэтов тушено, / но радость пела в мастерах, / и мстил за зло улыбкой Пушкина / непостижимый Пастернак* («Без всякого мистического вздора...», 1959) [4, с. 54]. Это радостное приятие жизни Чичибабин высоко ценит, дорожит им.

Русский поэт, родившийся и живший в Украине, Борис Алексеевич Чичибабин соединяет в себе два поэтических начала: *Но во мне Оку и Сороть / не затмит разрыва дым / и Тараса не поссорить / с духом Пушкина святым* («Орлиные элегии», 1992) [4, с. 455]. Поэзия и величие человеческого разума для него интернациональны и всемирны. Чичибабин объединяет имена поэтов и ученых разных эпох и национальностей: *Да здравствуют мир познавшие гении! / И все ж я величием их не подавлен. / Ручаюсь, что Пушкин, Шевченко и Гейне / не*

меньше, чем Ньютон, Эйнштейн или Дарвин («Могущество лирики», не позднее 1965) [4, с. 645].

Анализ фрагментов стихотворений Бориса Алексеевича Чичибабина, в которых мы встречаем соединение имени Пушкина с другими антропонимами, показал, что поэт обычно соединяет имена художников, выделяя каждый раз какую-то черту или какое-то из качеств творческих личностей: честность, ранимость, божественное (высшее) начало. Все эти черты, по мнению Чичибабина, аккумулированы в Пушкине как высшем проявлении поэтического и человеческого дара. Антропонимы – имена мастеров слова, музыки – называют тех, кто является для Чичибабина образцом высшего проявления духа человеческого, появление каждого из имен рядом с именем Пушкина значимо и неслучайно.

Література:

1. Козлова А.Г., Кузьменко Е.К. Пушкинский интертекст в сборнике Б.А. Чичибабина «Мороз и солнце». *Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды*. Харьков, 2016. № 2 (57). С. 66–71.
2. Скоробогатова Е.А. Онимные пары в лирике Марины Цветаевой: к вопросу о поэтической филологии. *Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды*. Харьков, 2019. № 1 (67). С. 3–9.
3. Чичибабин Б.А. В стихах и прозе. 3-е изд., испр. Харьков : Фолио, 2002. 463с.
4. Чичибабин Б.А. Собрание стихотворений / сост. Л.С. Карась-Чичибабина; вступ. ст. С.Н. Буниной; коммент. Л.С. Карась-Чичибабиной, С.Н. Буниной. Харьков : Фолио, 2009. 890 с.

Skorobogatova O., Yuryeva Z. “Pushkin and ...”: about the combination of anthroponyms in the lyrics of Boris Chichibabin

Summary. The relevance of the research is determined by the attention of modern philology to the problem of using proper names in a poetic text. The onymosphere of Boris Alekseevich Chichibabin's lyrics is rich and diverse. The goal of the article is to characterize combinations consisting of the name *Pushkin* and other anthroponyms in Boris Alekseevich Chichibabin's verses. For our study as a practical material we used fragments of poetic texts from the book “Collection of Verses”. Chichibabin repeatedly connects the name of Pushkin with the names of other prominent people: poets, writers, musicians, – with the names of those whom he loves, whom he admires, whom he delights. The results of the analysis show that the poet connects the names of artists of the word and art with each other, highlighting each time a particular feature or one of the characteristic qualities. Chichibabin uses the principle of associativity, focuses on the feeling of human involvement in the Space, the Universe. Combining the names of prominent writers and scientists with the name of Pushkin, Boris Chichibabin reveals the different features of the space, multifaceted Pushkin: greatness, will, heavenly essence, romance, vulnerability, sacrifice, meekness, honesty, spirituality and divine beginning. All these features are accumulated in Pushkin as the highest manifestation of the poetic and human gift. Anthroponyms, the names of the masters of the word, music call those who are the highest manifestation of the human spirit, the appearance of each of the names next to the name of Pushkin is significant and not accidental. The frequency of the appearance of the name Pushkin in the poet's lyrics is emphasized. The analysis of steady onymic couple and onimic microcomplexes (anthroponym poetic names) is a prospect of the research.

Key words: onym, poetonym, onymic couple, onymosphere, poetic text, Chichibabin, Pushkin.